

УДК 94(571.17).08+314

ББК 63.3 (2Рос-4Кем)5+60.7

Проблемы строительства шахт и механизации угледобычи на Кемеровском руднике в годы первой пятилетки*

Н.М. Морозов

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
(Кемерово, Россия)

Problems of Mine Construction and Mechanization of Coal Mining in the Kemerovo Mine during the First Five-Year Plan

N.M. Morozov

Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry SB RAS
(Kemerovo, Russia)

Рассматриваются проблемы строительства шахт и механизации технологических процессов на Кемеровском руднике — одних из основных путей роста объемов добычи угля, предусмотренных планами Первой пятилетки. В течение 1928–1932 гг. там намечалось построить 6 крупных шахт. Отмечается неудовлетворительная обеспеченность их строительства в нужном объеме финансовыми и материальными ресурсами, без предварительного учёта состояния грунтов, тщательной геологической разведки запасов угля. Возведение объектов осуществлялось кустарным способом, без машин и механизмов, без соблюдения техники безопасности. Исходя из сложившейся ситуации производственные проблемы, в том числе и неудовлетворительной организации труда, решались не достаточно оперативно в текущем режиме.

Благодаря повышению уровня механизации подземных работ и вводу в эксплуатацию шахты «Пионер» в последний год пятилетки на руднике существенно (на 135%) возрос объем добычи угля. Фактором, сдерживающим его, по-прежнему являлась проблема отсутствия механизации на многих трудоёмких рабочих местах как на поверхности, так и в подземных выработках, а также общий неудовлетворительный уровень квалификации шахтерских кадров.

Ключевые слова: Кузбасс, угольная промышленность, Кемеровский рудник, строительство шахт, механизация добычи угля.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)2-06

The problems of mine construction and mechanization of technological processes at the Kemerovo mine are considered - one of the main ways to increase the volume of coal production provided for by the plans of the the first five-year plan. During 1928–1932 it was planned to build six large mines there. There is an unsatisfactory provision of their construction in the required amount of financial and material resources, without preliminary accounting for the state of the soils, careful geological exploration of reserves. The facilities construction was carried out in a artisanal way without machines and mechanisms, without observing safety precautions. Based on the situation, production problems, including poor organization of labor, were not solved quickly enough in the current regime.

With an improvement in the level of mechanization of underground work and the commissioning of the mine "Pioneer" in the last year of the five-year period at the mine significantly (by 135%) the volume of coal production increased. The factor holding it back was still the problem of the lack of mechanization in many labor-intensive jobs, both on the surface and in underground mines, as well as the general unsatisfactory level of qualification of miners.

Keywords: Kuzbass, coal industry, Kemerovo mine, mine construction, coal mining mechanization.

* Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII–XX вв.» (AAAA-A21-121011590011-2).

Несмотря на безусловную важность обобщающей истории угольной промышленности Кузбасса [1; 2], во многом определявшей ход экономического развития сибирского (и не только) региона, внимания заслуживает опыт работы отдельных его рудников. Вокруг них в свое время формировались в каждом случае специфичные промышленная и социальная инфраструктуры. На многие десятилетия вперед определилась сложная производственная мозаика самой урбанизированной в Сибири территории. На этом фоне выделяется Кемеровский рудник, на базе которого в годы довоенных пятилеток был построен один из крупнейших в стране многоотраслевой угольно-химический комбинат.

В научной литературе его история периода Первой пятилетки (1928–1932 гг.) отражена фрагментарно, в том числе в части изучения основных тенденций в угольной отрасли Кузбасса и последствий, связанных с усилением в середине пятилетки внимания центральных органов власти к развитию Кузбасса [3–7]. Некоторыми авторами деятельность шахтерских коллективов рудника представлялась в виде местного исторического фона трудовых побед в ходе строительства коксохимзавода, кемеровской энергоцентрали, других предприятий и работы коммунального сектора — потребителей угля [8–10]. Между тем анализ более широкого круга источников регионального архива и материалов местной прессы существенно обогащает представление об еще слабо изученных острых проблемах, возникавших в ходе выполнения заданий по наращиванию шахтного фонда и механизации технологических процессов — одних из основных путей роста объемов добычи угля, предусмотренных планами пятилетки.

На Кемеровском руднике накануне Первой пятилетки действовали две шахты союзной промышленности — «Диагональная» и № 1 бис «Центральная», которая, в свою очередь, имела проектную мощность 380 тыс. т в год [4, с. 50].

В течение 1928–1932 гг. в Кемеровском угольном районе намечалось построить шесть новых, более крупных шахт, каждая мощностью от 800 до 900 тыс. т в год. В 1929 г. около разъезда Ишаново была заложена шахта «Алыкаевская» (позже названная «Пионер», подрядчик «Кузбассстрой») [9, с. 58]. В 1928–1929 гг. велась геологоразведка угольных полей будущих шахт — «Балахоновской», и на левом берегу — «Щегловской-1» [11, л. 6]. После начавшейся в 1929 г. реконструкции шахты «Центральная» ее производительность к концу пятилетки должна была возрасти до 480 тыс. т угля в год.

В 1929 г. в двух километрах на северо-запад от железнодорожного вокзала (в районе будущего азотно-тукового завода) началось возведение поверхностных сооружений шахты «Щегловская-1» с проектной мощностью 900 тыс. т в год. Объект

планировался с целью удовлетворения сырьем будущих более производительных батарей коксохимзавода и Кемеровской ГРЭС.

Однако с самого начала строительство не было обеспечено в нужном объеме финансовыми и материальными ресурсами. С опозданием на полтора года, лишь в марте 1931 г., началась «углубка» шахтного ствола [11, л. 31]. Один из собкоргов газеты «Кузбасс» из числа строителей в августе в одном из номеров с горечью писал о проблемах и настроениях, с которыми они ежедневно сталкивались. Все сооружения возводились кустарным способом, имели явно временное предназначение. «...с тем, что копер трещит, — отметил он, — рабочие, видимо, свыклись. Что «пока свой груз выдерживает», а потом все равно ведь будет сооружено новое» [12]. Строители отчетливо осознавали угрозу затопления шахты, так как по мере «углубки» ствола обнаружались «жидкие породы».

Проходка капитальных горных выработок проводилась без машин и механизмов, без соблюдения техники безопасности, откатка породы осуществлялась конными вагонетками. Обеспеченность объекта проектами на проходку, строительство подъездных путей была неудовлетворительной. Проект проходки способом замораживания пльвунов, составленный немецкой фирмой «Фрелих-Дельман», потребовалось основательно переделать. Некоторые технологические объекты (здание замораживания, комбинат, столовая и др.) перепроектировались на месте.

В течение 1931–1932 гг. подготовка оборудования для замораживания грунтов, его монтаж и проходка первых метров ствола проходили со значительным отставанием от утвержденного графика [13, л. 272]. В итоге в 1933 г. из-за пльвунов и обильного притока подземных вод проходка ствола шахты «Щегловская-1» была прекращена, а ее строительство окончательно закрыто.

К июлю 1931 г. были закончены работы по разведке угольных полей других запланированных шахт: 1-й Ягуновской, «Северной», 1-й Крохалевской, Алтайской Южной (на правом берегу), третьего угольного месторождения на Барзасе.

Беспокойство представителей местных властей вызывал намечающийся на 1932 г. дефицит поставки коксующихся углей для Кемеровского коксохимзавода в объеме 600 тыс. т. В конце 1931 г. в связи с запланированным пуском кемеровской энергоцентрали появилась дополнительная годовая потребность в 250 тыс. т энергетического угля. Вместе с тем отсутствовала форсированная подготовка к восстановлению старых шахт (Алтайские копи на Барзасе) и закладке новых, более мощных [11, л. 87]. Общее отставание в углеразведке ставило под угрозу намеченное на начало Второй пятилетки

строительство шахт «Северная-2», 2-я Ягуновская, 2-я Крохалевская и др.

В 1932 г. началось строительство шахт: «Октябренок» (дер. Боровушинская), «Крохалевская-Южная» и «Северная» (последняя производительностью один миллион тонн угля в год) [7, с. 21].

На возведение шахты «Северная», которое подрядным способом вел трест «Кузбассшахтострой», был направлен основной объем капиталовложений, поступавших в трест «Кемеровуголь» по статье «Новое строительство». Проходку вертикального ствола начинали по старинке. Электроэнергии не было. Для облегчения работы организовали паровое хозяйство, предварительно закупив два объемных котла. Возникла проблема их доставки с левого берега от железной дороги до места монтажа — на правом берегу Томи. Было принято следующее решение: котлы спустили на катках к реке, накачали воздухом, плотно закрыли и накатами переправили на правый берег. Далее от берега до шахты — 8 км в гору. Под руководством коммуниста К.И. Ярыгина бригада с помощью лебедок перемещала эти агрегаты со скоростью 400 шагов в день, и до наступления холодов их успели смонтировать и растопить [14, л. 57; 8, с. 125].

На строительстве шахты «Ягуновская-1», начавшемся также в 1932 г., основным объектом стала проходка ствола, для рабочих возводились первые дома [15]. В ноябре 1932 г. была досрочно закончена реконструкция ведущей на Кемеровском руднике шахты «Центральная».

К декабрю 1932 г. трест «Углеразведка» подтвердил обновленные объемы выявленных запасов угля: на полях шахты «Центральная» — 7 млн т, «Пионер» — 263 тыс. т; на участках проектируемых шахт: «Ягуновская-1» — 9,98 млн т, «Ягуновская-2» — 8,6 млн т, «Ишановская» — 16,5 млн т, «Балахоновская» — 10 млн т, «Северная» — 11,3 млн т, «Крохалевская-1» — 14,7 млн т, «Крохалевская-2» — 514 тыс. т. Еще точно не были определены запасы на участках других проектируемых шахт: «Щегловская-1», «Корчуган», Кедровском участке, Барзасских сапропелитов, Дмитриевских горючих сланцев, в районах у дер. Плотниково и дер. Боровушинская. Было ясно, что выявленные объемы не обеспечивали эксплуатацию крупных шахт в течение длительного времени, поэтому срочно требовалась их доразведка.

В целях повышения добычи топлива планами первой пятилетки предусматривалось оснащение угольной отрасли современной техникой. В Кузнецком бассейне первоначально ставилась задача повышения уровня механизации, пока преимущественно на добычных участках. На шахтах стали широко применяться врубовые машины и отбойные молотки, работавшие за счет энергии сжатого

воздуха. На Кемеровском руднике в 1928/1929 хозяйственном году механизированная добыча в сравнении с прошлым годом возросла на 134%. Однако среди рудников Кузнецкого бассейна этот показатель был наименьшим — 5,2% от общего объема добычи в Кузбассе. Механизмы нередко простаивали. На «Центральной» врубовые машины из-за частых поломок использовались лишь на 20%. Шахтеры на собраниях говорили о необходимости подготовки квалифицированных техников и о конфликтах с молодыми советскими специалистами, которые «...частично высоко смотрят на рабочих, за все берутся сами, не обращаясь к рабочим, а в результате — плохая работа» [16, л. 51].

В Кузбассе вследствие разнообразия условий залегания угольных пластов на каждом руднике проводились эксперименты по выбору оптимального типа механизации и технологии добычи, с помощью которых было возможно существенное повышение производительности забоев. На кемеровских шахтах применялись тяжелые и легкие врубовые машины. В 1929 г. там впервые были использованы электровозы.

Примерно 25% горной техники в Кузбасс поставлялось из-за рубежа. Однако она использовалась крайне неудовлетворительно. Импортные врубовые машины «Шортвол-Лаудер», к примеру, на Кемеровском руднике использовались лишь на 50%. Шахтеры сомневались в эффективности их работы. На перевалке поднятого на-гора угля каждую погрузочную машину «Джефри» обслуживали восемь-десять человек, которые сначала лопатами наваливали в машину уголь, а она затем отгружала его в сторону на 3–4 метра. «На такое расстояние, — утверждали рабочие, — и мы можем это количество угля перебрасывать лопатами, будет проще и дешевле» [17].

На остальных, таких же трудоемких производственных процессах (подготовка очистного фронта, откатка, погрузка и др.), не менее опасных для здоровья, по-прежнему господствовал тяжелый физический труд.

Летом 1931 г. на шахтах Кузнецкого бассейна, например, только около 50% отбойных молотков были в исправном состоянии. Другие приходившие с заводов более сложные механизмы еще следовало смонтировать под землей, обеспечить эксплуатацию в соответствии с техническими нормативами, что далеко не всегда удавалось в связи с недостатком электроэнергии и квалифицированных специалистов. Запасные части приходилось изготавливать кустарным способом в шахтовых мастерских, сроки ремонта часто затягивались. Многие инженеры, техники и рабочие не умели обращаться с новыми машинами и механизмами. Высокой оставалась их аварийность.

По этим причинам, а также малоопытности представителей горного надзора на «Центральной» долго не могли потушить пожар в выработках, возникший еще в 1917 г. Частые случаи возгорания угля в других местах происходили из-за несоблюдения технологии угледобычи, нарушений производственной дисциплины рабочими, курившими в забоях, опасных по газовому режиму. Следовало организовать контроль за допуском в шахту, потому что имелось много ходков (горных выработок), которые никем не охранялись, и в подземных выработках мог оказаться кто угодно [18, л. 51–52].

Несмотря на указанные выше проблемы в освоении новой техники, в течение пятилетки удельный вес механизированной добычи угля на шахтах Кемеровского рудника вырос с 2,6% в 1927/1928 хозяйственном году до 57,7% в 1932 г., уступая лишь предприятиям Ленинского рудника (70,5%) [4, с. 97, 108].

Доставка угля из забоя производилась конвейерами, лебедками и по старинке — на санях. Вместе с тем полностью отсутствовала механизация пере-

мещения угольной массы на поверхности, ее погрузка в вагоны, забутовка выработанного пространства под землей.

К концу 1932 г. в Кузбассе существенно изменилась география добычи топлива, а также удельный вес рудников в общей добыче угля внутри бассейна. В сравнении с 1928 г. удельный вес Кемеровского рудника снизился с 13,3 до 7,45%.

В начале января 1933 г. четырехтысячный коллектив кемеровских шахтеров торжественно рапортовал об успехах в выполнении производственной программы 1932 г., достигнутых под «руководством коммунистической партии, практически реализовавшей шесть исторических указаний т. Сталина, и проводящей последовательно генеральную линию партии» [19].

Осуществленный в течение последнего года пятилетки скачок на 135% в увеличении угледобычи с 378,4 тыс. т в 1931 г. до 516,6 тыс. т в 1932 г. (табл.) (без учета артельных штолен Куспромсоюза) стал возможен в основном благодаря вводу в эксплуатацию в мае 1931 г. шахты «Пионер» и механизации угледобычи.

Добыча угля в Кемеровском рудоуправлении/штольнях Куспромсоюза (тыс. т) [20]

1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
338,5/?	343,5/15	358,5/?	378,4/45	516,6/26

Уже в марте 1933 г. шахтеры «Пионера» ежедневно выдавали на-гора по 600 т угля. В мае того же года по объемам среднесуточной добычи предприятие заняло первое место в Кузбассе и получило первую премию во Всесоюзном конкурсе шахт [4, с. 193].

Рост в 1932 г. механизированной добычи на кемеровских шахтах в сравнении с 1931 г. был увеличен в четыре раза при среднегодовой укомплектованности кадрами на 98%. Это достижение оказало существенное влияние на повышение производительности труда в среднем на одного трудящегося — на 23,4%, и уровня зарплаты — на 55%.

Как видим, в годы Первой пятилетки коллектив Кемеровского рудника в условиях перманентного острого дефицита финансовых, материальных и кадровых ресурсов не был готов к выполнению масштабных задач по строительству новых шахт и механизации угледобычи в объеме, определенном отраслевыми планами. Вытекающие из сложившей-

ся ситуации производственные проблемы, в том числе и вследствие неудовлетворительной организации труда, решались недостаточно оперативно в текущем режиме.

Благодаря усилению в середине пятилетки внимания центральных органов власти к развитию Кузбасса, в том числе и Кемеровского рудника, постепенному приобретению специалистами на местах опыта в реконструкции действующих и строительстве крупных шахт, механизации некоторых подземных технологических процессов к концу рассматриваемого периода накопленным кумулятивным эффектом стал существенный рост добычи угля. Фактором, его сдерживающим, по-прежнему являлись проблемы отсутствия механизации на многих трудоемких рабочих местах как на поверхности, так и в подземных выработках, а также общий неудовлетворительный уровень квалификации шахтерских кадров.

Библиографический список

1. История Кузбасса. Ч. III. Кемерово / отв. ред. А.П. Окладников. Кемерово, 1970.
2. Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее. Издание второе, переработанное. Кемерово, 1978.
3. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890–1990-х гг.). Кемерово, 1995.

4. Леухова М.Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг. : дис. ... канд ист. наук. Кемерово, 2000.
5. Кемеровский рудник. 100 лет перемен. Кемерово, 2008.
6. Угольная промышленность Кузбасса. 1971–1996. Кемерово, 1997.
7. Угольный Кемерово. 100 лет / под ред. Н.Н. Маньшина и др. Кемерово, 2017.
8. Балибалов И.А. Кемерово. Кемерово, 1962.
9. Волченко А.В. Промышленное развитие Кузбасса в 1926–1940 годах // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1965) : материалы научной конференции. Кемерово, 1966. Вып. II.
10. История индустриализации Западной Сибири (1926–1941 гг.) / глав. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1967.
11. ГАК (Государственный архив Кузбасса). Ф. П-15. Оп. 7. Д. 10.
12. Кузбасс. 1929. № 177. 7 авг.
13. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 353.
14. ГАК. Ф. П-1337. Оп. 2. Д. 26.
15. Кузбасс. 1937. № 63. 6 апр.
16. ГАК. Ф. П-15. Оп. 6. Д. 74.
17. Кузбасс. 1928. № 170. 24 июля.
18. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 283.
19. Кузбасс. 1933. № 1. 1 янв.
20. ГАК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 2.